

Александр Алексеевич Журавлёв
(Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет)

Министерство народного просвещения и слушательницы Женского медицинского института во время студенческой забастовки 1911 года

Проведённые реформы Александра II способствовали быстрому развитию экономике страны. Изменения коснулись не только промышленности, но и системы образования. В ходе реформирования высшей школы не был решен, наверное, самый болезненный вопрос, возможность женщинам получать высшее образование в пределах российского государства. Принятый в 1863 году новый университетский Устав полностью закрыл возможность для получения высшего образования для девушек. Решение о запрете высшего женского образования диктовалось исключительно политическими соображениями. Поэтому движение женщин за право на высшее образование стало отличительной чертой общедемократического движения в стране в 1860-х годах. В 1860-1870-ых годах создавались высшие курсы для женщин, но они не могли конкурировать с составом институтов и университета. Поэтому часть девушек, получив свидетельство об окончании гимназии, вынуждены были, при наличии необходимых средств отправляться за высшим образованием за границу. Наибольшее предпочтение русские девушки отдавали швейцарским университетам. Это не было связано с высоким уровнем подготовки или авторитетностью университетов. В данном случае всё определялось меркантильными взглядами швейцарской профессуры, которой было безразлично, кто находился на студенческой скамье, главным условием являлось кредитоспособность студента. Вопрос о приёме русских слушательниц на различные кафедры был решён швейцарскими властями в 1873 году, когда женщинам было разрешено посещать занятия наравне с мужчинами. Известный поборник женского образования в России, доцент Медико-хирургической академии Г.М.Герценштейн писал в 1880 году: «Уже в конце прошлого десятилетия русские женщины составляли в швейцарских

университетах главный, а иногда и исключительный контингент студенток»¹. Это подтверждает и швейцарский исследователь Марк Вюиймье, который проанализировал отчёты швейцарских университетов. Он пишет, что «выбором даже у тех, кто чурался политической деятельности, часто двигала этическая мотивация – служить народу. 34 % русских студентов и 74% русских студенток в Швейцарии поступали на медицинские факультеты. В 1911-1912 учебном году на медицинском факультете в Женевском университете из общего состава 659 учащихся насчитывалось 408 представителей России (на три четверти – женщин) и лишь 88 уроженцев Швейцарии»². Кроме этого часть русских девушек обучались во Франции. Среди них была и Надежда Кузьминична Скворцова-Михайловская, спустя много лет (в 1934 – 1936 гг.) она написала мемуары, которые до сих пор не опубликованы. Отметим идентичность оценок побудительного мотива в получении высшего медицинского образования для девушек, которые обучались в Швейцарии и во Франции. Она пишет: «Я поехала учиться медицине за границу, в Париж, тогда с мыслью принести пользу народу»³. На тот момент вместе с ней учились 5 русских студенток, 4 англичанки и ни одной француженки. Появление девушек на занятиях в Ecole de Medecine было очень непривычным для французов, но вскоре к ним привыкли. Описывая своё обучение в известной медицинской школе, Н.К.Скворцова-Михайловская отмечала. «Сначала мы держали себя очень далеко от студентов, даже не разговаривали с ними, но в дальнейшем при совместных проходившихся практических занятиях все привыкли к нам, и тем легче, что мы очень усердно работали, даже усерднее многих студентов»⁴. Следует отметить, что русские девушки не стремились в Германию, где было отрицательное отношение к высшему женскому образованию. О предпочтении девушек обучаться в заграничных университетах, при достаточности средств, говорит и официальная статистика. За 17 лет (1895 – 1912 гг.) высшее медицинское образование в Европе получили 385 женщин. Хотя в Российской империи к этому времени существовал Санкт-Петербургский Женский медицинский институт, а также открывались частные учебные заведения.

К началу 1870-х годов в России сложились предпосылки для образования в стране первого высшего учебного заведения для женщин. Это было обусловлено тем, что к этому времени уже имелись прецеденты получения женщинами высшего медицинского образования, как за границей, так в России, и первые женщины врачи получили право врачебной практики на территории империи. Либеральная профессура в целом сочувственно относилась к идее высшего медицинского образования для женщин, и это совпадало с общим курсом либеральных реформ Александра II.

Обратим внимание, что правительственная политика в этот период также проделала некую эволюцию – от полного неприятия этой идеи к попыткам направить реализацию стремления женщин к получению профессионального медицинского образования в рамки уже существующей системы средних

¹ Г.М. Герценштейн, *Женские врачебные курсы, „Врач“* 1880, №-34.

² М.Вюиймье, *Русских просят не обращаться, „Родина“* 2014, №-1, s. 63.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [dalej: ОР РНБ], zesp. 699, sygn. 9, k. 30.

⁴ Tamże, k. 37.

специальных учебных заведений. И к началу 1870-х годов правительство вплотную подошло к практическому разрешению вопроса о высшем медицинском образовании женщин в России. Вместе с тем, следует учитывать, что главной проблемой для открытия учебного заведения являлось наличие финансирования. В данном случае предпочтение отводилось частным инвестициям, то есть пожертвованиям российских предпринимателей в пользу учебного заведения. Но даже при этом, члены правительства считали это трудноосуществимым. Достаточно характерна записка члена медицинского Совета министерства внутренних дел Г.А. Дубовицкого. Оценивая бюрократические и финансовые проблемы, встающие в процессе открытия учебного заведения, он заявлял: «что не представляется возможным думать, чтобы частным иждивением могло быть устроено такое заведение – это решительно немислимо»⁵. Попытка открыть учебное заведение не увенчалось успехом, хотя в пользу планируемого учебного заведения были собраны не малые средства.

Стоит отметить, что и в последующее время, когда всё-таки было принято решение об открытии Женского медицинского института, мнение некоторых государственных мужей было отрицательным. Например, может служить мнение члена Государственного Совета К.П.Победоносцева. Он имел жёсткие принципы, которые последовательно отстаивал на протяжении всей жизни. Он был убежденным противником открытия в России новых высших учебных заведений, поскольку считал, что они заполняются антиправительственно настроенной молодёжью. Когда обсуждался вопрос об открытии Женского медицинского института в 1891 году, он направил свои замечания государь императору Александру III. В них он особое внимание уделил финансовому вопросу. Константин Петрович подчёркивал, что по проекту министерства народного просвещения на содержание института потребуется не менее 51.000 руб. в год, но в эти средства не было включено множество элементарных статей обычных для любого высшего учебного заведения. К.П.Победоносцев писал императору, что «на первых порах по открытии предполагаемого женского института обнаружится полная несостоятельность средств, имеющихся в наличии, на его содержание в должном порядке. Нет никакого сомнения, что тогда учреждение это, поступив в министерство и под надзор министерства народного просвещения, обратится через министерство с ходатайством о поддержании оно на средства государственного казначейства, и весьма вероятно, что на такой исход дела рассчитывали те лица, кои в начале своих ходатайств обнадёживали правительство надеждою на частные пожертвования, голословно и гадательно... Тогда правительство поставлено будет в необходимость или закрыть заведение, которое, не имея собственных средств, лишено будет главнейших условий благоустройства и порядка, или принять содержание оно на средства казны»⁶. Надо отметить прозорливость Константина Петровича, поскольку именно по этому сценарию институт и был принят на бюджетное финансирование в 1904 году.

Отрицательное отношение членов правительства не помешало созданию

⁵ Российский государственный исторический архив [dalej: РГИА], zesp. 1294, inw. 6, sygn. 48, k. 6.

⁶ *Тайный правитель России: К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866 – 1895. статьи. Очерки. Воспоминания*, Moskwa 2001, s. 295 – 296.

Женского медицинского института. На наш взгляд особую роль сыграло несколько событий. Во-первых, внезапная смерть Александра III, который придерживался взглядов К.П.Победоносцева. Основываясь на воспоминаниях лейб-медика Н.А.Вельяминова, близкого к Александру III, мы с уверенностью можем утверждать, что не умри Александр III в октябре 1894 года, решение об открытии института вряд ли состоялось летом 1895 года, и он не был бы открыт в 1897 году⁷. Во-вторых, для открытия Женского медицинского института были собраны средства, чтобы построить учебное здание и начать набор на первые курсы. В-третьих, позиция Николая II, который сохранил взгляды своего отца на высшее женское образование, но при этом поддерживал инициативы своих подданных. Так, на средства кабинета его императорского величества он выделил институту 100.000 руб., которые предполагалось потратить на строительство общежития для его слушательниц⁸. В-четвёртых, лоббирование интересов женщин, среди жён и дочерей высших сановников российской империи. В-пятых, взгляды русской интеллигенции, которая стояла на позициях равных прав в образовании для мужчин и женщин.

Открытие Женского медицинского института именно в Санкт-Петербурге также определялось мнением правительства. Согласно точки зрения медицинского департамента министерства внутренних дел, именно в столице можно обеспечить новый институт необходимыми преподавательскими кадрами, а также потребными клиниками. Кроме этого, только в столице была возможность лучше следить за слушательницами, контролируя их благонадёжность. Также, уровень жизни в столице Российской империи всегда был дороже, чем в провинции, и тем самым возникала возможность отсекал от учёбы малообеспеченных девушек, которые часто становились питательной почвой для революционных идей. Слушательницы должны были платить за лекции 100 руб. в год, но кроме этого существовали ещё различные траты в процессе обучения. В среднем для проживания в Петербурге требовалось не менее 300 руб. в год. Если суммировать эти затраты, то получается, что для проживания в столице необходимо было 400 – 500 руб. в год, для сравнения младшие преподаватели в институте получали 600 руб. в год, то есть необходимо было потратить годовую зарплату.

На вновь созданный институт распространялись права институтов и университетов. В том числе это право слушательниц на сходки, которые являлись элементом внутренней автономии и незыблемостью университетских традиций. Отставка первого директора института В.К. фон-Анрепа напрямую была связана с его отказом следить за слушательницами, а также забастовки, устроенная девушками. В дореволюционной истории Женского медицинского института слушательницы не раз бойкотировали неудобных профессоров, хотя часто они носили академический характер. В 1908 году слушательницы старших курсов сумели спровоцировать уход с поста заведующего кафедрой акушерства и гинекологии профессора Н.И.Рачинского⁹. Среди самых известных студенческих

⁷ Н.А. Вельяминов, *Воспоминания об императоре Александре III*, [w:] *Российский архив*, Moskwa 1994. wyd. 5.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга [dalej: ЦГИА СПб], zesp. 436, inw. 1, sygn. 14589, k. 1.

⁹ O tej historii więcej patrz: И.В.Зимин, А.А. Журавлёв, *СПбГМУ имени академика И.П.Павлова: этапы*

забастовок, в которых принимали участие слушательницы института являлась студенческая забастовка начала 1911 года.

Студенческая забастовка была связана с решением правительства ликвидировать часть автономных прав университетов и институтов, которые были за ними закреплены Указом от 27 августа 1905 года, на волне первой русской революции. Если судить по средствам массовой информации, то студенческая забастовка достаточно быстро прекратилась, после жёстких мер министерства народного просвещения. Следует отметить, что в это время министром народного просвещения являлся ординарный профессор Л.А.Кассо, который был известен своими консервативными взглядами.

Начало забастовки было положено студентами Харьковского университета, которые сорвали лекцию на медицинском факультете. В университет была вызвана полиция, часть студентов подвергли различным наказаниям. После этого какое-то число студентов стали посещать лекции и сдавать экзамены, «дезорганизуя общее студенческое движение».

ВэтожевремявПетербургеначаласьобщегородскаястуденческаязабастовка, к которой присоединились и слушательницы Женского медицинского института. Следует отметить, что в делах хранящихся в Российском государственном историческом архиве в фонде министерства народного просвещения сохранилось 30 томов дел, в которых разбирается вся эта история. Действительно история крайне поучительная и интересная в том плане, как вели себя обе стороны.

Сама забастовка началась в институте 28 января в пятницу 1911 года¹⁰. И, согласно мнению директора института решающую роль в этих событиях играли слушательницы института, которые отказывались посещать лекции до марта 1911 года. Отсутствие слушательниц на лекциях для них означало не допущение к сдаче экзаменов и зачётов, и тем самым не засчитывали весь весенний семестр. К тому же, согласно существующему правилу, деньги, оплаченные за обучение, не возвращали. И многие из слушательниц отправились зарабатывать средства для дальнейшего обучения. По мнению некоторых слушательниц события развивались следующим образом. Слушательница II курса О.А.Иванова указала, что «после объявления господином директором С.С.Салазкиным, предлагавшего слушательницам приступить к занятиям до истечения трёхнедельного срока забастовки, группа слушательниц IV курса организовала со своей стороны подписку для выяснения числа лиц, желающих приступить к занятиям. 22 февраля 1911 года, я и ещё четыре слушательницы II курса – В.Морель, С.Уарова, княгиня С.Долгорукая - немедленно присоединились к этой группе, и на следующий же день явились на лекции. В течение 23, 24, 25 февраля состоялись лекции профессоров: Р.Л.Вейнберга, Г.А.Надсона, С.С.Салазкина, А.С.Гинзберга, В.И.Вартанова и А.С.Догеля, и практические занятия по физиологии. Между тем слушательницы IV курса организовавшие подписку, заявили нам, что по наведённым справкам у господина учёного секретаря была выяснена не возможность зачесть семестр для

большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.), Sankt Petersburg 2012, s. 226 – 232.

¹⁰ РГИА, zesp. 733, inw. 201, sygn. 285, k. 16.

такой незначительной группы лиц, которую мы представляли»¹¹. Таким образом, из её письма видно, что профессорский состав продолжал работать, и тем самым не поддерживал слушательниц в их борьбе за свои исконные права. Точность событий подтверждает и тот факт, что директор института ординарный профессор С.С.Салазкин направил записку министру народного просвещения следующего содержания. «Имею честь сообщить Вашему сиятельству, что с сегодняшнего дня в институте объявлена студенческая забастовка без применения обструкций. До сих пор ни одна лекция, за отсутствием слушательниц, не могла состояться. Ни сходок, ни столкновений между слушательницами нет»¹².

В данном случае необходимо обратить внимание на личность директора С.С.Салазкина. В отличие от министра народного просвещения Л.А.Кассо он относился к либеральной интеллигенции, но за свои организаторские и научные способности пользовался авторитетом не только среди профессорского корпуса, но и в министерстве народного просвещения. С.С.Салазкин родился 27 февраля 1862 года (по старому стилю) являлся выходцем из купеческого сословия. В 1880 году поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет естественного отделения. Время начала его учебы пришлось на первую волну политического терроризма в России, олицетворением которой стала нелегальная партия «Народная воля» во главе которой стояли А. Желябов и С. Перовская. В это время весь Петербург продолжали говорить о взрыве в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., подготовленного народовольцем Степаном Халтуриним. С.С.Салазкина, как и многих его однокурсников, потрясло убийство Александра II на набережной Екатерининского канала 1 марта 1881 года.

В этой обстановке формировались жизненные принципы будущего учёного и администратора. Уже на 1-м курсе Сергея Салазкина подвергли 3-х дневному аресту по приговору университетского суда за участие в сходке. Вероятно, арест был связан с одной из «студенческих историй», носивших академический характер и которых тогда по университетам было множество.

Но уже в 1884 г. им заинтересовалось всерьёз жандармское отделение и содержало его под стражей с 29 марта по 18 июля 1884 г. Отметим, что будущего профессора и директора Женского медицинского института посадили в Петропавловскую крепость по действительно серьёзному делу. Он готов был предоставить деньги для организации типографии, и кроме этого дал убежище С.П.Дегаеву, известному агенту провокатору. В ходе следствия С.С.Салазкин признал себя виновным и выразил чистосердечное раскаяние и, желая посвятить себя научным занятиям, он всё рассказал следователю. Жандармское отделение учло поведение студента С.С.Салазкина, и постановило подвергнуть его «гласному надзору полиции на 2 года, с воспрещением С.С.Салазкину дальнейшего нахождения в Петербургском университете при чём, в случае перехода Салазкина в другой университет империи, заменить определённый ему надзор полиции надзором учебного его начальства»¹³. В 1886 г. С.С.Салазкина приняли на естественный факультет Киевского университета. По завершению обучения

¹¹ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 287, к. 93.

¹² РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 294, к. 4.

¹³ ЦГИА СПб, зесп. 14, инв. 3, sygn. 2145, к. 69.

он подвергался испытанию в медицинской испытательной комиссии при университете св. Владимира в сентябре и в октябре месяце 1891 г., определением коей удостоен степени лекаря. На рубеже XIX – XX столетия С.С.Салазкин окончательно связал свою судьбу с Женским медицинским институтом. Лейб-акушер его императорского величества директор института Д.О.Отт пригласил молодого и подающего большие надежды специалиста для организации кафедры физиологической химии. Министерство народного просвещения утвердило его в должности ординарного профессора в январе 1900 года¹⁴. Обращает на себя внимание и тот факт, что С.С. Салазкин был на хорошем счету в министерстве народного просвещения, несмотря на своё «террористическое» прошлое. Пребывание в главной политической тюрьме империи совсем не мешало С.С. Салазкину уверенно двигаться по ступеням академической карьеры. Председатель Учёного комитета министерства народного просвещения в связи со смертью Н.И.Бакста предложил С.С.Салазкину стать членом Учёного комитета по химии. Но уже в 1905 г., после избрания С.С.Салазкина директором Женского медицинского института, он вынужден был отставить эту должность.

Возглавив Женский медицинский институт, новый директор уделил большое внимание не только трудоустройству выпускниц, но и, прежде всего вовлечение женщин-врачей в педагогическую и научную деятельность. В одной из своих записок он писал, что: «институт является женским и желательно, чтобы среди лиц, принимающих участие в учебной и учёной деятельности института были и женщины»¹⁵. Мы не случайно обратили внимание на студенческие годы С.С.Салазкина, когда он сам принимал участие в сходках. В записке направленной Л.А.Кассо сформулированы его взгляды на студенческое движение. «Волнения происходят, и причина их зависит от событий, не подлежащих влиянию Советов высших учебных заведений и независимых от внутреннего строя последних и уклада их жизни. Эта истина больше 50 лет была определена и выпукло высказана известным педагогом и бывшим попечителем Н.И.Пироговым. Наконец, я не могу согласиться с той нетерпимостью, с которой правительство относится к студенческим сходкам. Стремление распылить студенческую массу, превратив каждого учащегося в отдельного посетителя учебного заведения, не может быть достигнуто. Чувство корпоративности и товарищеской солидарности не может быть уничтожено, а потому если обсуждать меры, исходя из реальных жизненных условий, необходимо признать, что запрещение сходок нецелесообразно»¹⁶. Следует отметить, что подобная точка зрения шла вразрез с мнением министерства народного просвещения. Отметим, что студенческая молодёжь достаточно верно понимало политику правительства и пыталась исправить ситуацию в свою пользу. Через год, в мае 1912 года, было направлено секретное письмо в адрес директора института из министерства народного просвещения. Мы позволим себе воспроизвести часть этого письма, которое на наш взгляд характеризует конфликт между студентами и министерством, даже после ограничения автономных прав высшей школы. «В министерстве народного просвещения

¹⁴ ЦГИА СПб, zesp. 436, inw. 1, sygn. 14964, k. 1.

¹⁵ ЦГИА СПб, zesp. 436, inw. 1, k. 14410, k. 6v.

¹⁶ РГИА, zesp. 733, inw. 1, sygn. 294, k. 3.

получены сведения о том, что радикальная часть студентов Санкт-Петербургских высших учебных заведений, объясняя причину неудач последних студенческих выступлений в университете не сплочённостью и неорганизованностью студентов, решила, в целях дальнейшей борьбы за автономию высшей школы приступить к организации нелегальных групп, причём сторонниками этого движения 3 апреля сего года было выпущено воззвание, приглашающее студентов организоваться для сознательного и активного участия в политической жизни страны, так как «только освобождение страны даст свободную школу»¹⁷. Масла в огонь добавила анонимная записка, которая была отправлена в министерство. В ней автор давал крайне негативную оценку деятельности директора института. По мнению анонимщика С.С.Салазкин провоцировал слушательниц института на дальнейшее противодействие министерству. В тексте приводится цитата, принадлежащая профессору. В институте распространился слух, что «будто бы на обращение группы слушательниц из 10 человек о желании продолжать слушание лекций, профессор С.С.Салазкин, он же директор института, ответил: «До такого позора Женский медицинский институт ещё никогда не доходил»¹⁸. Как видим, письмо могло оказать негативное воздействие на точку зрения министра народного просвещения по поводу забастовки. Хотя факты, излагаемые в анонимных письмах невозможно проверить, но само их написание и содержание говорит о том, что среди слушательниц не было единства действия. Уже после того, как С.С.Салазкин был уволен со своего поста, слушательницы в декабре 1911 года решили вручить ему адрес, который подписали более 1.000 девушек. Первоначально они хотели вручить адрес в здании института, но это оказалось невозможным, и выборная депутация вручила адрес Салазкину на дому. Петербургская газета «Речь» писавшая об этом событии изложила на своих страницах полный текст приветственного адреса: «Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Сергеевич! Зная Вашу нелюбовь к лишним словам, мы хотели бы без этих лишних слов выразить наше глубокое уважение к вашей стойкой борьбе за автономию и сознание не вознаграждаемой и незаменимой потери, которую мы понесли в Вашем лице. Наша потеря двойная: мы потеряли и директора и учителя. В лице учителя мы потеряли лектора, соединявшего строгую научность с ясностью изложения. В лице директора – потеряли человека, который выдвинул Женский медицинский институт в первые ряды медицинских факультетов, который хотел и умел отстаивать интересы студенчества, который не только давал возможность развиваться общественным студенческим организациям, но всегда считался с ними, который, наконец, в эпоху разброда и шатания являлся исключительной по своей определённости и последовательности, личностью на своём посту. Ваше имя будет служить для выходящих в жизнь врачей символом широкой общественной и научной деятельности и будет передаваться с института от старших поколений к младшим»¹⁹.

Отметим, что в забастовке не приняло участие 27 слушательниц разных курсов. В последующем они также подавали прошения о восстановлении.

¹⁷ ЦГИА СПб, zesp. 436, inw. 3, sygn. 13, k. 2.

¹⁸ РГИА, zesp. 733, inw. 201, sygn. 294, k. 32v.

¹⁹ РГИА, zesp. 740, inw. 1, sygn. 152, k. 11.

Некоторые пытались рассказать и о ситуации, которая происходила в институте во время забастовки. Слушательница Л.М.Александрова описала события начала забастовки. «В день объявления забастовки я не хотела верить тому, что профессора не будут читать лекции (подчёркнуто в тексте – А.Ж.), но, придя в институт, нашла аудитории пустыми: ни профессоров, ни слушательниц. Встретившиеся меня однокурсницы объявили, что профессор Догель лекций читать не будет, хотя его и просили об этом 6 человек»²⁰. Дальше она пишет, что «на следующий день, придя в институт, я нашла аудитории опять пустыми, в коридоре толпились группами слушательницы, по случаю забастовки в галошах и шубах разгуливавшие по всему зданию. Прождав напрасно целый час и получив не мало красноречивых слов по своему адресу, я решила узнать состоится ли лекция другого профессора – химии, для чего направилась к самому профессору, которого и нашла в кабинете. Господин профессор мне сказал, что для одной слушательницы он не станет читать лекции, причём сослался на законное число слушателей, при котором они обязаны читать свои лекции. На моё замечание о том обстоятельстве, что раньше он не считался ни с каким числом слушательниц и читал лекции пяти (из полтора часа) курсисткам, господин профессор отвечал, что он и со мной может вести занятия, но лишь за пройденный курс и после только, может быть, и будет читать лекции»²¹. Как видим, приводимые факты слушательницами могли способствовать тому, что министр Л.А.Кассо поверил в анонимное сообщение.

Забастовка слушательниц привела к тому, что министерство народного просвещения пошло на беспрецедентный шаг, был издан распоряжение о продлении семестра до 15 июля. В марте 1911 года министр народного просвещения Л.А.Кассо направил письмо в адрес Попечителя учебного округа А.А.Остроумова. В нём он предлагал: «предложить директору Женского медицинского института принять все зависящие от него меры к восстановлению правильного течения учебной жизни в институте. С таким расчётом, чтобы пропущенное слушательницами время было возмещено путём продления весеннего семестра после пасхальных каникул на срок, необходимый для прохождения положенных по учебному плану в текущем семестре курсов»²². На заседании Совета института это предложение министра обсуждалось, но профессора высказали сомнение в возможности подобного развития событий. «В виду близости пасхальных каникул занятия, даже при полном желании слушательниц, могут начаться не раньше 18 апреля. Для прохождения положенных по учебному плану в текущем семестре курсов необходимо было бы продлить семестр до 15 июля (подчёркнуто в тексте – А.Ж.). Профессора указывали на сложность связанную с возможностью призвать слушательниц обратно в стены alma mater. Во-первых, «в настоящем, в особо неблагоприятном по холере и чуме, году, в виду недостаточности врачебного персонала в империи, значительная часть слушательниц уже связаны обязательством летней службы». Во-вторых, не имея собственных клиник институт сотрудничал с Петропавловской больницей, но на время летних каникул

²⁰ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 297, к. 124v.

²¹ Там же, к. 124v. – 125.

²² РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 285, к. 1.

не представлялась возможность использование её помещений. Члены Совета института пришли к выводу, что «совершенно невозможно рассчитывать, чтобы слушательницы по целому ряду важнейших для образования врача клинических предметов (клиникам: факультетской терапевтической, факультетской хирургической, по клинике диагностической, по клинике горловых, носовых и ушных болезней, дерматологической, нервных и душевных болезней, по акушерско-гинекологическим – факультетской и пропедевтической и детской) имели возможность пройти положенные по учебному плану в текущем семестре и выполнить минимум практические занятия, требуемые для получения зачёта семестра»²³. Эта точка зрения вызвала негативную оценку министра Л.А.Кассо. Он писал: «я вынужден констатировать, что в таком ответе обнаруживается желание Совета оттянуть решение сего вопроса постольку, чтобы сделать начало занятий фактически невозможными»²⁴. Таким образом, недовольными оказались обе стороны – и министерство и Совет Женского медицинского института. Но было бы опрометчиво считать, что всё сводилось только к противостоянию этих сил.

В очередной раз свою лепту в конфликт внесли слушательницы института. 3 мая 1911 года Совет старост Женского медицинского института обратился ко всем слушательницам с листовкой. В ней, в частности, указывалось на необходимость соблюдения корпоративных интересов всех слушательниц. Они решили: «Если не могут вернуться все, то не должен возвращаться никто. Если с принципиальной необходимостью продолжать забастовку не могут согласиться все без исключения, то конечно все без исключения могут и должны согласиться с тем, что нельзя нам самим сейчас разделять институт на две категории и ставить одну из них в особенно неблагоприятные условия». Также, давалась инструкция, как вести себя в сложившейся ситуации. «В случае поголовного исключения никто в течение весеннего семестра не подаёт прошение об обратном приёме, осенью же все подают прошение и дают все подписки, которые при этом могут потребоваться»²⁵. Администрация института, подчиняясь распоряжению министерства, опубликовала в печати, а также направила слушательницам письма. За подписью инспектрисы Сенявиной: «По распоряжению Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, Вы извещаетесь, что занятия в институте происходят и сто слушательницы должны приступить к таковым и в случае, если они к занятиям не приступят, то могут из того произойти весьма тяжёлые для них последствия»²⁶. Занятия действительно начались в мае 1911 г., но поскольку многие слушательницы разъехались по домам, то количество посещающих лекции было невелико. В своём прошении о восстановлении слушательница 4 курса Мария Бенько описала события учебной жизни института в мае 1911 года. Приступив после продления весеннего семестра к занятиям 16 мая, она написала: «мною и слушательницами Деменко и Соколовой были посещаемы лекции профессора Б.В.Верховского по кафедре ушных, носовых и горловых болезней. 16, 18 и 20 мая. Перед отъездом первой, не желая утруждать профессора Б.В.Верховского чтением лекций для нас

²³ Там же, к. 2 – 2в.

²⁴ Там же, к. 3.

²⁵ Там же, к. 18.

²⁶ РГИА, зesp. 733, inw. 201, sygn. 296, к. 176.

двоих, хотя последний и изъявил полную к этому готовность, заявив, когда мы 20 мая спросили его совета, как нам быть, что он обязан читать. Во всяком случае – я со слушательницей Деменко поставила профессора Б.В.Верховского в известность о прекращении нами посещения его лекций²⁷.

Отметим, что именно по сценарию, который был указан в листовке Совета старост и развивались события. В течение августа-сентября 1911 года все уволенные слушательницы подали прошения о восстановлении их в институте. Слушательницы прекрасно подготовились к восстановлению. Всего было отчислено из института почти 1.200 слушательниц. Не все сразу смогли подать прошения о восстановлении. Мы рассмотрим только те прошения, которые были поданы до 22 августа, всего их было 614, то есть больше половины. Причины, которые были указаны в прошениях, мы свели в таблицу.

Таблица №-1. Причины отсутствия на занятиях слушательниц Женского медицинского института весной 1911 года ²⁸ .	
Причины отсутствия на занятиях	количество
Не взнос платы за обучение	88
Материальная необеспеченность	46
Болезнь матери	54
Болезнь отца	24
Болезнь других родственников (брата, тётушки, бабушки)	33
Болезнь самих слушательниц	343
Замужество	3
Отсутствие в прошение причин	23
Итого	614

Как видно из данных таблицы, половина слушательниц нашла оправдательные документы у докторов, которые предоставили в их распоряжение необходимые документы с печатями. Не будем забывать, что многие практикующие врачи были сторонниками развития высшего женского медицинского образования и таким образом оказали поддержку будущим коллегам по профессии. Болезни, указанные в справках были различными. Среди них были весьма серьёзные – малярия, брюшной тиф, скарлатина и другие, а в других документах указали - нервное расстройство и усталость. Если придерживаться документов, то напрашивается крайне не приятный вывод, что почти половина слушательниц были физически слабыми. Материальная необеспеченность включала в себя необходимость отправиться на заработки, в силу того, что семестр зачтен, не будет, а необходимы вновь деньги для оплаты не зачтённого семестра. Слушательницы действительно работали в различных районах империи. Так, М.М.Сопатова, слушательница 8 семестра, указала, что: «в феврале месяце получила приглашение из Уфимского губернского земства занять место в эпидемическом отряде и по настоящее время нахожусь на службе в указанном земстве, всё время, находясь в разъездах по эпидемии в глуши губернии»²⁹. Камышинская уездная земская

²⁷ РГИА, zesp. 733, inw. 201, sygn. 294, k. 92.

²⁸ РГИА, zesp. 733, inw. 201, sygn. 293, k. 5.

²⁹ РГИА, zesp. 733, inw. 201, sygn. 290, k. 19.

Управа предоставила удостоверение А.Г.Мухоморовой в том, что она «состояла на службе земства оспопрививательницей с 1 апреля по 1 июля 1911 года»³⁰.

Слушательницы института подавали прошения с августа по сентябрь 1911 года. Как мы уже указывали, все представляли заверенные подписями и печатями справки, в которых были указаны веские причины, не позволившие им завершить обучение в семестре. По времени подачи, прошения были разбиты на 9 очередей. Причём, если прошение отклонялось, то девушка могла вновь подать, но обязательно с подтверждающими документами. Отказа в приёме в институт после повторной подачи документов не встречается в документах министерства народного просвещения. Сведения о рассмотрении прошений мы свели в таблицу.

Таблица 2. Прошения слушательниц Женского медицинского института представленные в министерство народного просвещения ³¹ .			
Время подачи прошений	Количество поданных прошений	Количество удовлетворённых прошений	Количество отклонённых прошений
До 9 августа .	85	81	4
До 16 августа	273	244	29
До 9 сентября	117	113	4
До 14 сентября	145	141	4
До 14 сентября	150	145	5
До 18 сентября	235	221	14
В сентябре	27	21	6
В сентябре	9	6	3
Итого:	1.041	972	69

Как видно из таблицы количество отклонённых прошений составляло около 7% от общего числа слушательниц, но как мы уже указывали, они подавали повторные прошения, которые все были удовлетворены. К этому количеству слушательниц нужно добавить тех 27 девушек, которые приходили в институт и не были отчислены министерством. Только о 21 слушательнице института в распоряжении жандармского отделения были сведения компрометирующего свойства. Это касалось, прежде всего, различного рода контактов с представителями радикальных политических партий (эсеров, большевиков, анархистов и другими). При этом в документах министерства внутренних дел указывалось, что «имели ли эти сношения преступный характер – не установлено»³². Таким образом, даже они могли быть восстановлены. В итоге, к январю 1912 года было восстановлено в институте 1237 слушательниц: на 2 семестр – 181 человек; на 4 – 310; на 6 – 277; на 8 – 245 и на 10 семестр – 220 слушательниц³³. Следует отметить, что даже из-за этой небольшой группы лиц, директор института ординарный профессор Б.В.Верховский написал письмо министру народного просвещения Л.А.Кассо. Он писал, что: «с некоторыми из них, находившимся к моменту исключения из

³⁰ Там же, к. 168.

³¹ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 303, к. 15-65.

³² РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 302, к. 75v.

³³ Там же, к. 229v.

института в 8 семестре, я был хорошо знаком и раньше по их занятиям в моей клинике, на лекциях, практических занятиях и у постели больных. Но не менее ясным представляется мне и душевный облик всех остальных, в виду откровенных вполне их бесед со мной, во время которых, ничего от меня не утаивая, они сообщили мне о всех событиях их прошедшей жизни». В завершении своего письма Борис Владимирович просил министра: «в настоящее время все они охвачены одной только мыслью, одним лишь желанием, возможно скорее начать снова учиться, снова вернуться к науке, которой столько лет готовились они посвятить свои молодые силы»³⁴.

Но, мы были бы не правы, если посчитали, что только желания министра и директора разрешили конфликт. Как всегда были задействованы и другие силы, которые могли повлиять на мнение министра Л.А.Кассо. За слушательниц стали заступаться весьма известные персоны, которые писали на его имя письма, либо воздействовали через других лиц. Так, вологодский губернатор, действительный статский советник М.Н.Шрамченко написал прошение министру народного просвещения. В нём была указана причина её отсутствия на занятиях: «я лично советовал перестать посещать лекции из боязни насилия над ней со стороны большинства, не желавших посещать лекции и препятствовавших это делать другим»³⁵. Также в делах сохранилась записка графа А.Уварова, который отстаивал интересы своей дочерни. В частности он писал: «считаю себя обязанным удостоверить моим честным словом, что моя дочь никакого участия в устройстве забастовки не принимала, ибо я счёл невозможным с самого начала пустить её в институт, а при первой возможности послал её в Саратовскую губернию»³⁶. В этот же скандал были втянуты члены Государственной Думы. Первоначально был направлен запрос 35 депутатам. Депутаты разных фракций не могли упустить такого «лакомого случая» для того чтобы набрать очки в глазах своих избирателей. Газеты писали о роли депутатов в этом деле, ведь приближались выборы в IV Государственную Думу, что приводило к необходимости быть на слуху у избирателей. Ничто не меняется в мире. 24 октября 1911 года под влияние 35 депутатов Государственная Дума обсудила этот вопрос и направила Л.А.Кассо запрос. В нём задавались министру несколько вопросов: «известно ли министерству народного просвещения, что распоряжения его: об установлении в Женском медицинском институте летнего семестра в 1911 г. до 15 июля; и об исключении слушательниц, не отменённое в отношении некоторых из них до сего времени, - являются незаконными. И, что он намерен предпринять к устранению последствий означенных распоряжений»³⁷. Ответ министра был кратким и чётким, что все его действия являются законными.

Большой накал конфронтации можно объяснить ещё и тем, что Лев Аристидович Кассо решил уволить профессор некоторых институтов, которые не выполняли распоряжение министерства. В том числе и некоторых профессор Женского медицинского института. Если с директором института больших

³⁴ Там же, к. 283.

³⁵ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 301, к. 86.

³⁶ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 293, к. 60 - 60v.

³⁷ РГИА, зесп. 733, инв. 201, sygn. 285, к. 63.

проблем у министра не возникла, за других преподавателей вступились весьма внушительные силы, да и сами они использовали любые средства оказания давления на Л.А.Кассо. Газета «Новое время» летом 1911 года писала. «Ординарному профессору А.М.Левину, В.А.Тиле, Г.В.Хлопину и экстраординарным профессорам Н.Я.Чистовичу, Н.Ф.Виноградову и Н.П.Савваитову предложить теперь же подать прошения об отставке, дабы министерство могло освободить их от обязанностей, которые они не пожелали выполнять»³⁸. Профессора немедленно начали борьбу против министерства, поскольку его руководство действительно погорячилось. Одним из них был хирург В.А.Тиле. В докладных записках в адрес министерства он описывал, что как он в январе 1911 года в положенные часы приходил в совершенно пустую лекционную аудиторию. Кроме этого, профессор В.А.Тиле извещал, что «я не только не сочувствовал забастовки как уродливому и ничем не оправданному акту, а что напротив я всегда стоял на твёрдой почве законности и порядка видно, между прочим, из следующих фактов, имевших место в жизни института»³⁹. В дальнейшем он перечисляет свою позицию во время студенческих волнений 1911 года. Я открыто порицал бывшего директора института на запросы и предложения министерства; открыто порицал грубую и вызывающую форму этих ответов, не допустимую, прежде всего в дисциплинарном и служебном отношении. Я не раз в Совете протестовал против скороспелости этих ответов лично от имени директора и настаивал на том, чтобы ответы редактировались Советом, а не вносились в Совет для сведения. Я всё время исповедовал и пред членами Совета и пред слушательницами убеждения, что в науке нет места для политики и для кружковых проведений тех или иных постановлений Совета. Если бы он ограничился только письмами в министерство народного просвещения, то вся история не получила бы такого размаха. Он стал писать во все организации в которых состоял или работал. В итоге в его поддержку высказались начальник Канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А.А.Мосолов, дворцовый комендант В.А.Дедюлин (начальник личной охраны Николая II), начальник придворной медицинской части профессор Н.А.Вельяминов и сам министр императорского двора барон В.Б.Фредерикс. Так, лейб-хирург Н.А.Вельяминов направил телеграмму генерал-лейтенанту А.А.Мосолову следующего содержания. «Считаю долгом доложить министру, что инцидент с В.А.Тиле несомненно плод недоразумений или злобы. Ручаюсь за него во всех отношениях как за себя». Дворцовый комендант В.А.Дедюлин писал: «очень прошу Ваше превосходительство заступиться за известного вам профессора В.А.Тиле, безупречного человека, которого знаю 25 лет, как своего ученика и подчинённого». Министр императорского двора барон В.Б.Фредерикс также писал о нём: «возможным выделить его из числа лиц, увольняемых от службы по министерству народного просвещения, что дало бы возможным оставить действительного статского советника В.А.Тиле, аттестованного непосредственным своим начальством и высшими чинами министерства императорского двора с наилучшей стороны, на службе по вверенному мне министерству»⁴⁰. Подобную

³⁸ РГИА, зesp. 472, inw. 41 (229/2846), sygn. 81, k. 1.

³⁹ Там же, k. 4.

⁴⁰ Там же, k. 12, 15, 24.

практику избрал и другой профессор института А.М.Левин, один из крупнейших специалистов по внутренним болезням. Он также направил докладную записку, в которой выразил своё поведение во время забастовки. «В беседах со слушательницами я всегда указывал на нелепость учебной забастовки, как способа отстаивания какого-либо мнения, сравнивая её с такими отжившими и бессмысленными явлениями, как японское харакири, средневековые ордалии и тому подобное. Наконец, отношение моё к забастовке достаточно иллюстрируется тем фактом, что моя собственная дочь, кончившая как раз институт во время забастовки, по моему настоянию, от всякого участия в забастовке так называемая «государственниц», то есть лиц, приступающих к государственным экзаменам»⁴¹.

Подводя итог событиям известной студенческой забастовкой 1911 года нужно отметить важных на наш взгляд последствий. Во-первых, попытка министерства народного просвещения жёстко наказать слушательниц за забастовку, закончилось пшиком. Во-вторых, слушательницы почувствовали свою силу, так как все, за редким исключением были восстановлены. Не восстановленными остались несколько слушательниц, часть которых не предоставили необходимые прошения в министерство. А другую часть составили иудейки, которые превышали необходимый порог учащихся в высших учебных заведениях Российской империи. В-третьих, показала слабость государственной власти, её влиянию силам со стороны, и не возможностью идти до конца в деле утверждения своих распоряжений.

---

⁴¹ ЦГИА СПб, zesp. 436, inw. 1, sygn. 14462, k. 76v.

Summary

Alexander Alekseevich Zhuravlev

Ministry of National Education and female students Women's Medical Institute during a student strike in 1911

In this article author describes the events of 1911 students strike in Russian Empire. All students of St. Petersburg Women's Medical Institute supported the strike, and did not attend classes during spring of 1911. In response Ministry of Education excluded all of them, but under pressure from influential people minister L.A. Kasso had to back up his decision and all students were restored in Institute. This showed the inability of ministry to control students.

Keywords: Women's Medical Institute, student's strike 1911, Ministry of National Education

Streszczenie

Aleksandr Aleksiejewicz Żurawlew

Ministerstwo Oświaty Ludowej i słuchaczki Żeńskiego Instytutu Medycznego w czasie strajku studentów z 1911 r.

Artykuł traktuje o strajku studenckim w 1911 r. i udziale w nim studentem Żeńskiego Instytutu Medycznego w Sankt Petersburgu. Studentki nie przychodziły na zajęcia przez całą wiosnę 1911 r. Ministerstwo zdecydowało się na bezprecedensowe posunięcie – relegowanie wszystkich studentek z Instytutu. Jesienią wszystkie relegowane studentki złożyły prośby o przywrócenie na studia. Minister Ł. A. Kasso był zmuszony zgodzić się na to pod naciskiem wpływowych osób. W ten sposób próba zastraszenia studentek zakończyła się niepowodzeniem.

Słowa kluczowe: Żeński Instytut Medyczny w Sankt Petersburgu, strajk studencki 1911 r., Ministerstwo Oświaty Ludowej.

